

МИЛОЕ МОЕМУ СЕРДЦУ ПРИАНГАРЬЕ

З.А. Диких

Я, Диких (Кузнецова) Зинаида Александровна, 1951 года рождения, уроженка деревни Рожково Кежемского района, вспоминаю мою малую Родину, милое моему сердцу Приангарье, мой Кежемский район.

С моими родителями – Александром Никифоровичем и Александрой Константиновной, с моими сестрами – Верой, Анной и Надеждой – я жила в деревне Рожково, в деревне Заимка, в посёлке Болтурино. Работать я начала в селе Кежма в Кежемском отделении Госбанка. Уехала в 1972 году

В памяти моей тот период жизни, как и эпоха ушедшего столетия, остаётся всегда с надеждой на счастливое и светлое будущее, ожиданием новой и торжественной какой-то жизни, как когда-то приносил мне эти ощущения приход нашей болтуринской весны. Для меня навсегда с тех пор весна осталась прекрасным временем года. С первыми лучами яркого весеннего солнышка снег подтаивал, образовывал оплавленный наст вперемешку с проталинками со старой жухлой травкой и рядом – новой, зелёной. Появлялись бело-молочные, с мохнатыми листочками, самые ранние цветы – подснежники, маня красотой своей неопишуемой. Мы, подростки болтуринские, срывали их охапками и несли в школу на парты и столы, украшали помещения к экзаменам. Нам, ребятам и девочкам, это казалось «высшим классом»! Как только появлялась возможность кое-как пробраться по лесу по проталинкам, я неслась добывать берёзовый сок, подвешивала стеклянные банки и бутылки за горлышко на верёвочки в первую половину дня, а к вечеру уже опорожняла тару и несла домой пить живительной силы напиток!

В конце мая и в начале июня я приносила домой букетик из веточек восточного рододендрона, по-местному, багульника, заросли которого расцветали розовым цветом у нас, в Болтурино, практически рядом с моим домом, в хвойном лесочке на россыпях каменной подошвы нашей лысенькой сопки. Какой душистый, нежный аромат был у багульника! А в июне в лесных низинках, ближе к реке, расцветали белым ковром лесные ландыши! Очень крупные, и как их было много!

Помню, как я «охотилась» за «венериным башмачком» – красивейшим цветком с бело-розовой, иногда желтоватой, с пятнышками, реже – очень большой, с нежно-лиловой, сиреневатой расцветкой в полоску, оттопыренной такой губой. Эта лесная, наша болтуринская орхидея пряталась в траву на влажных опушках хвойного лесочка у подножия сопки и скалки. Только там я находила «венерин башмачок», срывала букетик и не задумывалась, конечно, от незнания, что этот удивительный цветок начинает цвести только на пятнадцатом или семнадцатом году своей жизни.

Не забыть никогда и самый яркий цветок – розу нашего Приангарья – жарок! Яркий, оранжевый, с гордо поднятой головкой, своими кустиками он заполнял целые поляны! Увлекательнейшее было, солнечное зрелище! У нас, в Болтурино, в каждом доме стоял букетище жарков. Вспоминаю, что всегда копала саранки, не проходила мимо и откусывала чашечки медуницы с нектаром, ела пряные кислые хвойные иголки, срывала

калачики кислицы, объедалась пучками. Сейчас бы это назвали «подножным кормом», а в то моё далёкое детство мне казалось просто вкуснятиной.

Жить прошлым не надо – это точно. Говорят, что на прошлое не надо оглядываться. Я так не думаю. Там, в прошлом, остались моё детство, моя юность. Это там мне было подарено много любви и счастливых моментов моей жизни, подарено дорогими моему сердцу людьми. Это там у меня было много ошибок, разочарований, надежд, впечатлений, познания, радости. Разве можно всё это забыть?

Когда мы жили в деревне Заимка, в 1954 году нашей семье прибыло – родилась сестрёнка Анна. Я, малая, четырёх лет отроду, одна и без спросу пошла маму проведать в местную больницу, где меня накормили, приласкали и домой отправили с гостинцем для старшей сестрёнки Веры. Несу я гостинец – яйцо всмятку – босиком, после дождя грязи много, скользко, упала и растянулась, а кулачок крепко зажимаю с гостинцем. Яйцо возьми и тресни, всё в грязи. Ох, слёз было, до сих пор помню эти горькие переживания!

Крепко запечатлелось в памяти ещё одно приключение, уже с качелями, которые у нас в Заимке были большие, свисали с балки сеновала. Я с сестрой Верой раскачивали их очень высоко, а посередине сидела наша подружка – Заборцева Дуся. Балка не выдержала и треснула, крепонько так ударив Дусю по голове, – мы все упали в синяках и ушибах. Досталось от мамы по первое число!

С 1955 года наша семья поселилась в деревне Рожково. Папа был колхозным механизатором и часто работал на кузнице. Мы, местная ребятня, дома не сидели, носились по деревне босиком, бегали на угор Ангары, играли в стёклышки, в домики под крылечками с куклами из пакли. Хвастались друг перед другом о добытом на свалках «имуществе», бегали на скотный двор и конюшню, на речушку за деревней. На колхозных полях, по обочинам, рвали маленькие стручки дикого горошка. У амбаров набивали полные карманы и майки семечками конопли и подсолнуха и щелкали бесконечно. На улице, в жаркий день, ловили стрижей на приманку – пушистое пёрышко с ниточкой и с грузилом, гладили и отпускали. Любили смотреть, как местный конюх, дядя Иван Гнатышин, гоняет колхозных лошадей на водопой. Я, сестра Вера, Нюра Гнатышина, Аля Быкова, Люся Рожкова, Катя Гаак – все малы росточком и возрастом – любили дразнить колхозного племенного и грозного быка, когда коровье стадо прогонял пастух по улице на скотный двор: «Быня, Быня, растобыня, на высоких каблуках!...». Бык оставался, копытил огромными копытами землю, нагибал голову с налитыми кровью глазами и трубно ревел – умный, видимо, давал время одуматься. Но, когда эта вредная малышня ещё громче и обиднее дразнила, бык срывался в погоню. Мы убегали врассыпную. Однажды разбежаться не смогли и всей ватагой заскочили по пути на задний двор усадьбы Али Быковой, в страхе присели на заднем низеньком крылечке – дверь-то оказалась на замке. Бык упёрся рогами в хлипкие жердины забора, копытами рвал землю, приготовился сей минут повалить преграду, да хорошо, что колхозный пастух услышал рёв быка и прогнал его кнутом.

Вспоминаю, как однажды зимним вьюжным вечером всё население нашей Рожково высыпало на улицу, по которой двигался длинный обоз из саней-розвальней. Рядом шли местные охотники с ружьями за плечами в морозных куржаках на лицах и шапках. На тех санях лежали убитые волки, а их морды и хвосты свисали с боков саней и подметали дорогу. Это была облава. В тот год волки у колхозников порезали много скота ...

Накануне моего дня записи в школу, в 1958 году, приехала новая учительница, очень красивая и молодая. Звали её Диана Григорьевна, в нашей деревне она вышла замуж за Степана Гнатышина. Она зашла и к нам домой записать первоклассницу, а увидев меня – кнопку, сказала, что девочка слишком маленькая росточком и пусть ещё с годик дома посидит. В первый класс я пошла в 1959 году в деревне Рожково, а в 1960 году моя семья переехала в посёлок Болтурино – лесопункт Кежемского леспромхоза, где папа работал слесарем-механиком, а мама – рабочей нижнего склада, а потом заправщицей. Так получилось, что вторую половину первого класса я заканчивала уже в другой школе, в посёлке Болтурино, с моей второй учительницей первого класса – Анной Васильевной Мелеховой, навсегда оставшейся в моей памяти с добрыми глазами и улыбкой, умением так вкусно откусывать кусочек мела при записи на школьной доске.

Лет с двенадцати-тринадцати мне приходилось частенько рыбачить с отцом. Тяжеловато мне было – братьев-то у меня не было. Стоим палаткой на Берёзовом острове, утром и вечером рыбачим, днём сети чиним да чистим – то ещё занятие, нудное, под ярким солнцем-то и мошкой, куканы, засолка. Вспоминаю, как-то отец сеть выбирает, с багром наготове, я за вёслами, на фарватере моторку правлю поперёк и вверх по течению. Осётр такой большой попался в сеть, что с багром даже у отца силы не хватает вытащить. Черпаем бортом, и уже страшновато мне – сеть-то огромная. Опрокинулась бы моторка, и мы попали бы в сеть, не хуже рыбы, да посередине Ангары. Отец кричит: «Табань, табань!». Еле вытащили рыбищу, бьёт сильно хвостом. По тупой головёшке багром утихомирили. Не привелось больше увидеть такого размера рыбищи никогда. Есть, что вспомнить.

Однажды вечером проверяли сетушку на окуньков, с одним веслом да без ружья, бывало, в неё и ондатра попадалась. Берёзовый остров с одного края очень близок к Матёре, протока где-то метров сто будет. Только выбирать стали, как с сопки медведь на водошой спускается. Мы и замерли. А он попил, на нас долго глядел, повернулся и так же, не спеша, удалился. Сытый был, иначе за секунду бы расстояние преодолел и опрокинул. Костей бы не собрали. Так и стоит картина эта перед глазами. Вот наука – расслабляться в дикой природе нельзя!

Как-то ночевать поехали в домик бакенщика Ивана Платоновича Верхотурова. Сам он из Дворца. Много рыбаков со всей округи собралось на ночёвку Ухой знатной меня попотчевали, я лежу на лавке и слушаю байки-рассказы, в том числе и дяди Ванины, какие уловы добывали и только что нарыбачили. Руками машут и показывают: во-о-о-т такой величины и ширины... Удивляюсь, слушаю. Но когда папа стал рассказывать об уловах, что добыл, да во-о-т такие рыбищи третьеводни, да вечер, да сегодня, а вся рыбалка-то у папы нынче со мной – все уловы знаю, тут я и поняла, какие наши рыбаки хвастунишки хорошие!

Зимой 1967 года меня и мою подругу Галину Сизых откомандировала наша школа в Кежму на спортивную районную школьную олимпиаду по лыжному спорту. С вечера подготовили лыжи, прошлись смазкой, а с утра, в день соревнований, ударила оттепель. Моя смазка совсем «не пошла». Ноги – гири. У Галины по жеребьёвке старт был намного позже, между нами много было лыжников с прекрасными результатами со всего района. Но она меня догнала и не стала обходить, создавая живую помеху этим прекрасным претендентам обогнать меня, ведь время забега важнее для результата, чем личное превосходство. Умница! И я тоже не подкачала – взяла третье место по району для БСШ! Так и запомнились те бега.

Сейчас, в наше время, никого из молодёжи, школьников ничем не удивишь. А мы радовались малому и испытывали искреннее удовольствие от общения друг с другом на всех болтуринских мероприятиях, в том числе и школьных. Вспоминаю 1968 год. Моему девятому классу выдалось дежурить на школьном новогоднем вечере. Украшали школьные коридоры и классы творчески: открытками, пропущенными через проектор на ватмане, с рукотворными гирляндами, с придуманными зимними комнатами-полянами отдыха, с конкурсом костюмов. Выдумали у входа пропускать желающих побывать на новогоднем вечере через «пароль». Два богатыря – Виктор Скуодас и Иван Рукавишников (Недокура), в шлемах, накидках, в руках – длинные шести с картонными топорами наперевес, стояли в дверном проёме коридора и требовали громко, дружно, басом, невзирая на лица: «Пословицу! Поговорку!». Смеху, шуток и толкотни было из-за этого в коридоре много! А мне, Люсе Рожковой, Гале Сизых, Наде Рукосуевой пришлось в тот вечер дежурить в школьном буфете, подменяя школьную буфетчицу тётю Фриду Андреас. Какими её вкусными пончиками с повидлом мы торговали! Пальчики оближешь. И какао было просто прелесть! От школьников-покупателей отбоя не было. Успели и на ёлку, и к друзьям. На другой день мы пришли с инвентарём и выручкой к тёте Фриде с отчётом о проделанной работе. Трижды считали. Излишки – и всё тут! Получили нагоняй от тёти Фриды, а наши излишки – в руки, и убежали покупать конфеты для себя, как нечаянный приз.

В моей школьной жизни был случай, который помнят все мои одноклассники до сих пор. Учёба давалась мне легко, я была одной из любимых учениц у нашей учительницы литературы и русского языка Анны Ивановны Брюхановой. Урок литературы. «Война и мир». Шёл опрос по домашнему заданию: выучить белым стихом «Дуб» – почти со страницу – наизусть. Вызов. Не знаю. Садись! Два! Вызов. Не знаю. Садись! Единица! Анна Ивановна уже по списку классного журнала. Вызов. Не знаю. Садись! Два! Класс не готов и притих. Анна Ивановна, вздохнув, торжественно называет мою фамилию, мол, знайте, как хорошие ученики уроки учат! А у меня оценок было в журнале, хоть соли: почти в каждой клеточке, и все – пятёрки. Даже в мыслях не было учить! Я бойко отрапортовала предложений пять, а дальше, запинаясь, тык да мык... Анна Ивановна подсказывает, я продолжаю. Так мы вдвоём и одолели стих до конца. Садись! Пять! Что тут началось! Даже через сорок лет на встрече нашего выпуска мне мои любимые одноклассники припомнили тот урок: «Ага, незаслуженная пятёрочка-то была, а нам – колы?».

Курьёзный случай произошёл со мной в 1970 году. На летние каникулы сразу приехали Люся Рожкова, Галя Сизых, Володя Онуфриенко, Женя Попов – они все мои друзья – и я. Конечно, сразу на речку купаться. А там уже группа ребят, школьников и студентов, греются у костра на берегу – день выдался прохладный. Налажена прыгалка. До посинения накупались, греемся. Рассказы, шутки, смех, – хорошо! Решили попрыгать. И я собралась – «столбиком» прыг! Вынырнула высоко и резко, а лифа купальника на мне нету, чувствую, на коленках болтается, поймала его уже у самого дна, еле надела. Не успевай, где ж я его по течению бы ловила... Подруги всё же подметили, ох, и хохотали, веселились. А вечером были танцы в клубе нашем болтуринском! Общались мы с радостью со своими друзьями и со сверстниками, и этим были богаты.

В клубе нашем в шестидесятых принято было в июне проводить «Ситцевые балы». Какая была это красота! Все болтуринские девчата, что могли пойти в клуб, накануне шили себе разные платяица, кофточка с юбочками из ситца. Я тоже всегда шила сама себе

платице и бежала на танцы. Помнится, как Зина Матвиенко надела юбку «колоколом», моднющей тогда формы, и «рассекала» на танцах «ситцевой королевой». Наш лесопункт организовывал в клубе ёлку с конкурсами на лучшие новогодние костюмы. До сих пор в глазах стоят эти изумительные работы наших жителей, рабочих лесопункта, на головах которых были огромные шляпы с макетами нижнего склада и вальщиков леса, вывозки леса с тракторами и лесовозами. На масленицу лесопункт организовывал на улицах торговлю бесплатными блинами, а лошадки возили ребятню на санях по улицам посёлка. Ожидание праздника – и потом радости было немеряно!

Помнится, как мы в десятом классе самоутверждались... Сменили надоевшую форму девчатам – на жилет с мужской рубашкой в клетку и белую, а ребятам – на тёмный пиджак с белой рубашкой и с галстуком. В кабинете химии, что числился за нашим десятым классом, Надя Карнаухова во всю стену нарисовала красивый парус мечты с девизом класса. «Пусть и штормы, и пламя, пусть дороги круты! Рей над нами, как знамя, алый парус мечты!». Красивые мечты и такие наивные! Это было с нами, в нашем посёлке Болтурино!

Без прошлого не могло быть и нашего будущего. Свою тяжёлую роль в судьбах моих родных и близких сыграла Великая Отечественная война. Её отголоски оставили свои отметины в душах и судьбах моего послевоенного поколения.

Моя мать, Кузнецова (в девичестве Быкова) Александра Константиновна, 1924 года рождения, уроженка деревни Сосновая Кежемского района, осенью 1942 года пошла добровольцем на фронт, но была направлена Ванаварским военным комиссариатом на Красноярский военный завод по производству для фронта снарядов, запчастей и деталей для ремонта самолётов. Заводское ФЗУ обучало рабочих токарному делу Тяжёлым воспоминанием у мамы остались ежедневная капустаная баланда и изнуряющий труд на токарном станке. Всё для фронта! В городе поднимал голову бандитизм. В короткие минуты отдыха молодые рабочие, совсем ещё девчонки, продавали на рынках домашние вещички, одежду и покупали хлеб, стоя в длинной очереди. Не раз случались на глазах моей мамы трагедии при кражах последних копеек из сумочек в этой очереди. Свидетельница такой кражи, молодая девушка, вскрикнула, чтобы держали вора, и была молниеносно ударена по глазам острой бритвой его сообщником, другим бандитом.

Почти каждый понедельник на плацу завода звучала переключка на первый – второй, первый – второй. Первая шеренга, два шага вперед! Сборы! Фронт! На фронт шли сибирские полки!

Весной и летом завод помогал местным колхозникам в ремонте сельхозтехники и направлял часть своих рабочих-токарей в местные районные военкоматы для работы в МТС. Так, моя мама отработала два сезона со своей напарницей в колхозе. За ударный тяжёлый безотказный труд двух заводских девчонок заведующий МТС оформил в военкомате их документы на демобилизацию и отправил по домам в начале августа 1944 года. Шла война, для гражданских транспорта не было. Очень велико было желание попасть домой, на Ангару Полторы тысячи вёрст не испугали маму и её напарницу, и они решились добираться на попутках и пешком. От деревни к деревне шли они по разбитым дорогам и лежнёвкам. Кушали то, что подадут (картошку да капусту), ночевали как придётся: в деревнях – на повитях, в стогах – в полях и в лесу – при костерке. Страшно было в тайге, когда оставались одни, боялись зверья и лихих людей. Три месяца длился этот поход. Моя бабушка, Анна Николаевна, с сыном Колей переехала в деревню

Сосновая Кежемского района. Стояли уже заморозки, первый снег, на Ангаре – забереги. По холодной Ангаре, с попуткой, маме даже приходилось идти и бечевой. За всю жизнь мама так и не смогла восстановить своё тогда войной подорванное здоровье.

Удивительная судьба в годы войны была уготована моему отцу, Кузнецову Александру Никифоровичу, 1925 года рождения, уроженцу деревни Проспихино Кежемского района. В 1943 году он был мобилизован Кежемским военным комиссариатом в трудовую армию и направлен в действующую геодезическую экспедицию прекрасного профессионала и фаната своего дела, геодезиста-инженера и писателя Федосеева Григория Анисимовича. Всю войну мой папа отработал рабочим, помощником эвенка – проводника геодезической партии. Был ли это тот самый Улукиткан, друг Федосеева, я уже не помню. В экспедиционных мелких партиях было по проводнику Папа рассказывал о проводнике как о своём учителе познания удивительного лесного, природного мира птиц, зверей и рыб, их повадок, науки промысла и выживания. Эвенк был кладезью житейской мудрости и знал неисчерпаемое количество историй. Большой, редкой удачей было для папы вместе с проводником увидеть гон – драку двух самцов сохатых (лосей). Всё вокруг дрожало от рёва и ударов рогов огромных, разъярённых зверей. Не дай Бог измениться было ветру от наблюдавших охотников в сторону сохатых, быть бы беде. Изумительное по красоте, познавательное и страшное, опасное это было зрелище! Знают и оценить такое могут только охотники.

Работа в геодезической партии была у отца физически трудная – в любую погоду, на выживание и крепость духа, а пропитание доставать приходилось самим в тайге и реках. Опасность была не только от дикого зверья, но и от разных случайностей и природных явлений. Однажды с напарником папа был на задании, с которого не смогли они вернуться по стечению обстоятельств, сильно оголодали и заблудились. Нашёл их и спас от неминуемой смерти папин земляк-проспихинец, который тоже трудился в партии рабочим, Кузнецов Иннокентий Михайлович, которого папа всегда вспоминал добрым словом и называл не иначе, как Окешка Лучёнковых. Папа знал и знаменитую собаку Загрю, о которой так много писал Федосеев в повести «На сопках Ямбуя». Жаль, что из отцовских рассказов я только это и запомнила.

Геодезические партии экспедиции Федосеева занимались нанесением и изучением малоисследованных районов Восточной Сибири, и папа мой тоже участвовал в этом благородном и трудном деле. Даже во время войны нашей Родине нужны были изыскания для будущей мирной нашей жизни!

Мой дед (по отцу) – Кузнецов Никифор Михайлович, 1903 года рождения, уроженец деревни Проспихино Кежемского района (езда), был мобилизован Кежемским военным комиссариатом в 1941 году сразу, как началась война.

Попал на Волховский фронт, который потом объединился с Ленинградским. Прошёл всю войну в стрелковой дивизии и окончил в Прибалтике сержантом с несколькими наградами: медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Вспоминая Прибалтику, дед рассказывал об отравленной местными жителями воде в колодцах и об испорченных продуктах для советских солдат. В его военной биографии был тяжёлый эпизод, из которого он вышел с достоинством и честью русского солдата. Его стрелковый 261-й полк участвовал в освобождении попавшей в окружение 2-й ударной армии Волховского фронта, держал бой за узкий коридор прорыва армии, который простреливался врагом насквозь, где смешались в жуткой тесноте техника и солдаты, кровь

и земля. Фронт откатился на несколько километров. Выживший в этой мясорубке уже малочисленный полк, в котором был и мой дед, был окружён, сгруппировался в лесочке при огромном поле, где были уже немцы. На срочном совещании мнения разделились – прорыв или плен. Часть полка пошла на смертельный бой, прорываться к своим, догнать фронт. Дед выжил в том бою и воевал дальше. Словно в награду судьба даровала деду счастливую военную судьбу – он имел ранения лёгкие и остался жив. Его портрет красуется у меня в руках навсегда в Бессмертном полку нашей Родины.

Другой мой дед (по матери) – Быков Константин Николаевич, 1898 года рождения, уроженец деревни Сосновая Кежемского района, был мобилизован Ванаварским военным комиссариатом в мае 1942 году на фронт. Судьба была ему уготована трагическая. При формировании Сибирского полка в Красноярске попал в госпиталь с острым приступом радикулита, из-за которого отстал от земляков и был направлен с эшелоном в Москву позже. Последний солдатский треугольник семья получила от него сразу по прибытии в Москву с сообщением, что их эшелон направляют на фронт. Эшелон был разбит полностью при бомбёжке во время пути следования, и мой дед до сих пор значится в списках как пропавший без вести... Сколько слёз было пролито, сколько горя и нищеты семья хлебнула без кормильца, не высказать. Документы о том, что дед пропал без вести, им выдали только в 1960 году. Бабушка моя, Анна Николаевна, прожила всего семь послевоенных лет, оставив на попечение дочери несовершеннолетнего сына – моего дядю Николая, 1939 года рождения. Имя моего деда Константина сейчас навсегда обозначено в Бессмертном полку нашей Родины, и его портрет шагает вместе со мной, торжествуя, 9 мая.

Моя малая родина лежит под толщей воды, а сердце плачет, подвергая сомнению цели затопления и переселения жителей Приангарья с насиженных мест на все четыре стороны, оплаченные очень дорогой ценой – разрушением судеб и надежд моих родных и земляков. И мне теперь не пройти прямой улицей чистенького и тихого Дворца, не услышать лушниковское: «Искристый, я Дикобраз. .», не посетить детские местечки в Рожково, не увидеть родного Болтурино, не походить тропинками в лесочке за грибами, не забраться на Лысую горку, на её седловину, на место пионерского костра, не оглядеть наш посёлок с её высоты, не разглядеть с высоты отчий дом и дома друзей, не побывать в школе, не постоять на скалке и не увидеть панорамную красоту нашей Ангары, не посетить памятные места детства и юности, не показать их своим внукам.

Лучше не сказать, как точно поэт выразил в стихах своих пожелания, которые были в мыслях моих, и я с радостью и уважением адресую эти строки вам, дорогие мои земляки!

Я желаю вам мира и счастья!

Пусть мечты и желанья сбываются!

Все обиды, болезни, ненастья

уходят и не возвращаются!

Я хочу пожелать вам достатка,

пусть растёт он и приумножается!

Пусть дела ваши будут в порядке,

и пусть жизнь вам всегда улыбается!

Декабрь 2015 г.